

Близнецы

Наталья Никольская

Капкан

«Научная книга»

Никольская Н.

Капкан / Н. Никольская — «Научная книга», — (Близнецы)

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ

КАПКАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ПОЛИНА)

Надо же, раньше я никогда не думала, что настроение человека может так зависеть от погоды. Со мной, во всяком случае, этого не происходило. Такой вот я земной человек.

Правда, моя сестра Ольга частенько жаловалась на сплин и одолевающую ее депрессию, когда за окном лил дождь третий день, и все небо было затянуто черными тучами. Когда же долгожданное солнышко наконец пробивалось сквозь эти мрачные занавески, она взбадривалась, и депрессия проходила на удивление быстро.

Но то Ольга, человек очень эмоциональный и вечно витающий где-то в облаках. А я-то совсем другого склада человек.

Мы с Ольгой близнецы, но я на три минуты старше ее. На этом основании я позволяю себе вмешиваться в ее жизнь и время от времени учить уму-разуму. Если б я этого не делала, Ольга могла натворить Бог знает что, и ей было бы сложно выпутываться из заваренной каши.

Несмотря на то, что мы с сестрой близнецы, и внешне нас различить практически невозможно, характерами мы не похожи абсолютно.

Ольга никогда не помнила, куда засунула очень нужную вещь, которая сейчас только, «ну вот прямо сию минуту», была у нее на глазах и таинственным образом исчезла. В итоге, находилась почему-то в холодильнике.

Кухонную кастрюлю частенько можно было встретить на кровати. А уж деньги Ольга хранила в совершенно не подходящих для этого местах. Они служили то закладкой для книг, то Ольгины дети играли в них, то они просто мирно покоились в сахарнице.

Такой вот была моя сестрица Оленька, двадцати девяти лет, разведенная (впрочем, как и я) и имеющая двоих детей, Артура и Лизоньку. Работала Ольга психологом, даже заимела звание кандидата наук и вообще была очень хорошим специалистом в своей профессии. Но к жизни она была абсолютно не приспособлена.

По счастью, в отличие от своей сестры, я не была подвержена изменениям настроения, связанным с переменой погоды. Да если бы и была, то сегодня мне не грозило ухудшение настроения: в этот теплый майский день солнце светило ярко, никакого дождя не намечалось, запах распускающихся деревьев сводил меня с ума, и настроение мое было просто отличным.

Я ехала по родному городу в своем автомобиле и считала себя счастливейшим человеком на земле.

Вообще-то, если быть честной до конца, то причиной моего столь прекрасного расположения духа была не только хорошая погода и скорое наступление лета. Главная причина была, конечно, в нем, в Павле, Паше, Пашеньке, Павлушеньке, чудесном парне, с которым я познакомилась две недели назад.

Боже мой, неужели прошло уже две недели? Мне казалось, что они пролетели как один день, и в то же время я чувствовала, будто знала Пашку на протяжении всей жизни.

Мы познакомились, можно сказать, случайно, когда у моего «Ниссана» спустило колесо, и мне пришлось ставить запаску. В это время подъехал он и предложил помощь.

Конечно, я со своей физической подготовкой отлично справилась бы и сама, но мне очень понравился этот симпатичный молодой человек в легких брюках и толстовке «Reebok».

Я согласилась, Павел помог мне с колесом (о том, что его зовут Павел, он сообщил мне сразу же) и предложил вместе сходить в «Волну».

Мы чудесно провели вечер, потом поехали к нему и не менее чудесно провели ночь, после которой Пашка понравился мне еще больше. А через две недели нашего знакомства я уже не представляла, как жила без него все свои двадцать девять лет.

Пашка был основателем и директором некоего частного предприятия по торговле спортивными товарами, имеющего незатейливое название ЧП «Глазунов».

Глазунов – это Пашкина фамилия. Проще говоря, он занимался покупкой и продажей фирменных костюмов, теннисок, кроссовок, теннисных ракеток, боксерских перчаток и кап, плавок, сланцев, силиконовых шапочек и прочей спортивной дребедени.

Скупал это все Пашка в одной из близлежащих стран, а продавал в собственном магазине «Чемпион» на проспекте Дружбы, бывшем очень популярным среди тарасовцев.

За две недели знакомства с директором ЧП «Глазунов» я стала обладательницей белой юбочки для тенниса, нового спортивного костюма, так нужного в моей работе, махрового халата фирмы «Арена» и потрясающе красивого и удобного купальника ярко-голубого цвета, произведенного той же фирмой, – Пашка был не жадным.

Может быть, этим он мне и понравился. Хотя, конечно, не только этим.

Я забыла сказать, что работаю тренером по шейпингу в спорткомплексе. Кроме того, владею некоторыми приемами карате. Поэтому приобретение нужных для занятий спортом вещей было как нельзя кстати.

Встречались мы каждый день, то у меня дома, то у него.

Пашка жил в однокомнатной квартире в районе, который теперь в связи с расширением нашего города считался центральным.

Вот и сегодня я ехала домой с работы в радостном предвкушении нашего свидания. Пашка должен был заехать за мной в шесть вечера и отвезти куда-нибудь поужинать.

Вообще-то я и сама превосходно умею готовить, и Павел не раз говорил, что моя стряпня нравится ему куда больше ресторанной пищи, но сегодня мы как раз собирались отметить круглую дату со дня нашего знакомства. Может быть, две недели кому-то и не покажутся таковой, но мы не могли пропустить столь знаменательное событие.

До его приезда оставался еще целый час, за который я должна была успеть принять душ, смыть дневной макияж и сделать вечерний, одеться подобающим образом и соорудить что-нибудь интересное на голове.

Ну, это совсем не трудно. Из волос я могу сделать практически все, что угодно, даром, что диплома парикмахера не имею. Мой бывший муж Жора Овсянников не раз говорил, что у меня золотые руки. Жора, конечно, подхалим страшный, но думаю, что тут он не врал.

Я действительно умею делать многое, начиная от чисто женских дел типа приготовить камбалу в красном вине и заканчивая сугубо мужскими, как то: положить плитку, оштукатурить стены или отциклевать полы.

Единственное, чего я не умею делать из женских дел, так это шить. Терпеть этого не могу. Даже пришить пуговицу для меня проблема. Поэтому, если от моей блузки отрывается пуговица, то я засовываю эту блузку подальше в шкаф, и она лежит там, бедная, до тех пор, пока мне просто нечего будет одеть, кроме нее. Тогда я, скрепя сердце, берусь за иголку с ниткой.

К шести часам я была уже полностью готова. Надела фиолетовый брючный костюм, накрасилась. Волосы у меня длинные, Пашке они очень нравились распущенными, поэтому я решила особо не мудрить и просто распустила их, уложив крупными волнами.

Теперь я сидела на диване, сложив руки на коленях, чтобы ничего не помять, и ждала своего любимого.

Странно, время уже пять минут седьмого, а Паша еще не приехал. На него это было не похоже, мой возлюбленный отличался пунктуальностью. Может, на работе что задержало? Прошло еще полчаса, и я забеспокоилась.

Мысль о том, что Павел забыл о нашем свидании, была просто невероятной. Я даже подумывала позвонить ему на работу, хотя не люблю звонить первой. Но стрелки часов уже приближались к половине восьмого, и я потянулась к телефонной трубке, внутренне предчувствуя, что случилось неладное.

Пока я набирала номер магазина, сердце мое стучало, как сумасшедшее.

К телефону подошла одна из молоденьких продавщиц и сказала, что Павла Сергеевича сегодня вообще не было в магазине. Я поблагодарила ее и повесила трубку. Вот это новости! Почему это Паша не пришел на работу, ведь он каждый день бывает в магазине? Может быть, он заболел?

Я уже всю нажимала на кнопки, набирая домашний номер Пашки. Но там никто не взял трубку. Что же с ним случилось? В том, что что-то произошло, я уже не сомневалась. И произошло что-то явно неприятное. Но он мог хотя бы меня предупредить?

Я выкурила, наверное, с десяток сигарет, не забывая каждые три минуты вызванивать Пашку. Все было безрезультатно. В эту минуту я подумала о том, о чем на моем месте подумала бы любая женщина – Пашка нашел другую.

Единственное, что мне оставалось сделать, так это разреветься. Я и разревелась, вытирая слезы рукавом дорогого пиджака, который в начале вечера боялась помять. Вот до чего может прийти влюбленная женщина!

Если бы меня в этот момент видел кто-то из моих знакомых, то не поверил бы, что я могу сидеть и плакать. И не просто плакать, а рыдать во весь голос. Слезы были черными, так как смешивались с тушью, и грязными потоками стекали на брюки. Но, видимо, привычка не хлопать носом была достаточно сильна...

Я уже в процессе плача стала рассуждать здраво и подумала, что Пашке просто некогда было бы познакомиться с другой женщиной, так как мы расстались утром, и он поехал на работу.

Если даже он встретил кого-то по дороге, было бы просто невероятным предположить, что он за пять минут потерял голову настолько, чтобы не поехать в свой магазин. Да и по натуре Пашка не был таким влюбчивым, чтобы так скоро менять привязанности. Может, и ничего, может, он просто... Что просто, я не знала, но тут мне вспомнился дурацкий анекдот, в котором молодая жена беспокоится, что мужа давно нет дома и с плачем говорит матери, что у него, наверное, любовница, а мать ее утешает, мол, может, он просто попал под машину.

Вспомнив этот анекдот, я невольно фыркнула и успокоилась. Встала, сняла свой вечерний наряд, прошла в ванную. Мое отражение в зеркале было таким ужасным, что я быстренько взялась за дело и в считанные секунды уничтожила праздничный макияж, над которым трудилась целых двадцать минут.

Я переделалась в домашнюю футболку и спортивные брюки, так как понимала, что поход в ресторан отменяется, и села смотреть телевизор.

По первому каналу шла какая-то мыльная опера, которые я терпеть не могу, в отличие от Ольги, тратящей на эту ерунду массу времени. А попроси ее рассказать, о чем там идет речь, она не сможет и двух слов сказать.

Я достала из сумки купленную сегодня газету с программкой, развернула ее и вдруг увидела знакомую фамилию. Мне сразу же стало не до программки, а по спине пробежал очень неприятный холодок.

На первой странице была большая статья под названием «Пропавший злодей». В ней говорилось о том, что некий Павел Глазунов, директор ЧП «Глазунов», или магазина «Чемпион» вчера вечером убил человека.

Как говорят свидетели преступления, убитый, Александр Викторович Маслов, был должен Глазунову деньги. Тот решил их потребовать, попросил своих друзей поехать с ним.

Вместе они вывезли Маслова за город, причем сами ребята даже не предполагали, для чего Глазунов их пригласил. Прибыв на место, Глазунов потребовал у Маслова возврата денег, тот отказался их вернуть.

Тогда Глазунов избил Маслова, присовокупив к этому удар камнем по затылку. Потом бросил мертвого Маслова и вернулся в город. Под утро дачники, ехавшие на свои участки, обнаружили в посадках мертвого мужчину, которым является Александр Маслов.

Сам Глазунов скрылся. Друзья, которые были вместе с ним в момент преступления, задержаны. Именно они дали показания против Глазунова. Теперь органами милиции объявлен розыск гражданина Глазунова Павла Сергеевича. Каждого, кому известно о его местонахождении, просят позвонить по нижеперечисленным телефонам...

У меня просто голова шла кругом. Пашка убил человека? Когда? Вчера? Да вчера он был со мной! Нет, можно, конечно, предположить, что он свозил этого Маслова за город, быстро убил его там, а потом как ни в чем не бывало вернулся ко мне. Но это было просто фантастикой. Да и сама статья была какой-то неправдоподобной. Неужели автор не видит несоответствий?

Во-первых, как это Пашка взял с собой друзей, не объяснив им, куда и зачем они едут? И что, когда он убивал Маслова у них на глазах, они, как истуканы, сидели в машине и ничего не предпринимали? Прямо ангелами выглядят эти ребята! Ничего не знали, ни о чем не догадывались, ничего противозаконного не делали. Зачем тогда он вообще их брал? Зачем ему лишние свидетели?

И вообще, зачем ему понадобилось убивать должника? Чтобы навсегда распрощаться со своими деньгами? Чушь какая!

Да и наверняка сумма была не такой, из-за которой пойдешь на убийство. Пашка, конечно, не бедствовал, но и не шиковал настолько, чтобы речь шла о выборе между деньгами и человеческой жизнью.

И самое главное, я прекрасно знала, что если бы такой выбор встал, Пашка предпочел бы не деньги. Можете считать меня наивной, но в этом я была убеждена.

Я снова заглянула в газету и посмотрела, кто же написал такую выдающуюся статью? Оказалось, что Борис Чуркин. Что ж, Чуркин, он и есть Чуркин, но надо ведь что-то делать.

Интересно, где же теперь мой Пашенька? Где скрывается? Ведь так долго не выдержишь! Надо выбираться, а как он сможет это сделать, если находится в бегах? Нужно что-то придумать! Нужно его найти!

Плакать уже не хотелось абсолютно, теперь нужно было действовать. Но что делать, я как раз и не знала. Может быть, позвонить Ольге? Она же у меня психолог! Может, подскажет, как ведет себя человек, скрывающийся от милиции? Где он может прятаться? Я подошла к телефону и набрала домашний номер сестры:

– Алло! – раздался в трубке голос Ольги.

– Оленька, здравствуй, милая, это я, – сказала я, ломая голову, как бы спросить у Ольги то, что мне нужно, по тактичнее, не объясняя, почему меня это так интересует. – Здравствуй, дорогая моя, как дела? Как дети? – продолжала я рассыпаться в любезностях.

Ольга, очевидно, слегка удивилась моему медовому тону. Я, конечно, всегда интересовалась делами сестры и здоровьем ее спиногрызов, которых очень любила, но видно голос мой был уж слишком елейным.

– Нормально дела. Телевизор смотрю, «Поцелуй страсти». Ты разве не смотришь? – удивилась сестра.

– Ты знаешь, нет, – разочаровала я ее. – Даже не знаю, о чем это, – мысленно представляя себе, что же это за поцелуй страсти? А что, бывает поцелуй чего-то еще?

– Ну, как же, – продолжала удивляться моей необразованности сестра, – такой замечательный фильм! Ой, Поля, подожди, тут такой интересный момент, поцелует она его сейчас или нет, ты не могла бы перезвонить попозже?

– Нет, – решительно ответила я, посчитав, что Ольга не умрет, не узнав столь ценной информации о поцелуе, – попозже никак не смогу. Мне нужна твоя профессиональная помощь, – подчеркнула я последнюю фразу.

Я прямо почувствовала, как Ольга вся подобралась на другом конце провода. Еще бы, Полина заинтересовалась ее профессиональными знаниями! Полина, которая никогда не увлекалась психологией! Ну уж сейчас она мне выдаст!

– Я слушаю тебя, – голосом, от которого я сразу почувствовала себя глубокой невеждой, произнесла Ольга. – Что тебя интересует?

– Понимаешь, дорогая, мне хотелось бы узнать, как должен вести себя человек, которого разыскивают?

– Как что? – поразила Ольга. – Постараться поскорее сообщить, где он находится!

– Да нет, ты не поняла. Как он должен себя вести, если не хочет, чтобы его нашли? Ну, где он должен скрываться?

– Ах, вот оно что! Ну, если он не профессиональный разведчик, то наверняка захочет спрятаться в месте, о котором никто не знает, как ему кажется. А вообще, в основном, преступники скрываются у кого-нибудь из друзей или знакомых. Но их там быстро вычисляют. Поля, а зачем тебе это?

– Извини, Оленька, сейчас не могу рассказать, – сказала я, скривившись от слова «преступник». – Как-нибудь в другой раз, – быстренько закрутилась я и повесила трубку.

Значит, Пашка попытается скрыться у кого-то из друзей, так как специальной конспиративной квартиры у него, ясное дело, нет. Но у кого? Явно не у одного из тех «друзей», которые его подставили. А то, что его подставили, было ясно, как день. Для меня, во всяком случае. Может, поехал к кому-то из родственников? Но его там быстро найдут, Ольга правильно сказала. Да нет, не идиот же он в конце концов.

Я не находила себе места, курила сигарету за сигаретой, не зная, как успокоить нервы. В эту минуту я даже пожалела, что не употребляю спиртного. Может, полегчало бы.

Вон Ольга порой выпьет стаканчик – и прекрасно себя чувствует. Правда, она прикрывает свое пристрастие к алкоголю тем, что ей якобы нужно время от времени поправлять свою эмоциональную ауру, но я абсолютно не верю в подобную ерунду.

На экране телевизора полицейский из рекламного ролика хлопал по бокам светловолосого молодого парня-мотоциклиста, очень похожего на Пашку, выбивая из его кармана жвачку «Стиморол», которую тот презентовал симпатичной помощнице полицейского. Совсем не похожей на меня.

Я почувствовала, что схожу с ума от бессилия. Когда я уже готова была выбежать на улицу и начать метаться в поисках любимого по городу, спрашивая у каждого встречного, не видали ли они такого симпатичного молодого человека, высокого, со светлыми волосами, про него еще в газете писали, в уголовной хронике, раздался звонок в дверь. Я побежала открывать, не забыв спросить, кто там.

– Я, – раздался тихий голос, который я узнала бы из тысячи.

Я ахнула и стала лихорадочно крутить нижний замок, пока не поняла, что он был отперт, а открывать следовало верхний. Я принялась за верхний, но к тому времени уже заперла нижний.

Когда же наконец манипуляции с замками были закончены, я смогла открыть дверь и увидела своего Пашку. Ничего не спросив, я пропустила его в квартиру, быстро оглядела лестничную площадку, убедилась, что все в порядке, и закрыла дверь. После этого я кинулась к Пашке на шею, и мы простояли так в коридоре минут десять.

Я понемногу успокаивалась, Пашкино дыхание тоже стало ровнее, и я отпустила его. Мы прошли в комнату, он сел на диван и закрыл глаза. Я пошла в кухню, настрогала бутербродов, так как ничего готового не было, покидала их в тарелку и принесла Пашке. Никогда не думала, что он может есть так торопливо. Видать, изголодался.

Когда с едой было покончено, я убрала тарелку, залезла с ногами на диван и обняла Пашку. Он увидел раскрытую газету на полу и вздрогнул. Потом вопросительно взглянул на меня.

– Паша, я все знаю, – быстро сказала я. – Но я этому не верю. Что бы там ни говорили или ни писали, мне все равно.

Пашка с благодарностью посмотрел мне в глаза и привлек к себе.

– Но ты должен мне все рассказать, – потребовала я. – Все, как было, ничего не скрывая.

– Я и не собираюсь ничего скрывать, Поля, – тихо сказал Пашка. – Да, собственно, и не было ничего.

– Подожди, скажи мне, ты знаком с этим Масловым?

– Да, знаком. Вернее, был знаком, – Пашка передернулся.

– Он был должен тебе деньги?

– Ну, был. Только все остальное неправда! Я действительно хотел потребовать их назад. Но убивать его не собирался.

Вчера мне вообще некогда было, я же с тобой был. А тут подходит Шип перед концом работы и говорит, давай, мол, я на этого Маслова наеду, а то что это он оборзел совсем? Я говорю, ну, если хочешь, давай. Но я не говорил ему, чтобы они убивали.

Я же не думал, что они такие идиоты! Меня вообще с ними не было!

– Стоп! А почему это Шип проявил такую инициативу? Что это он о твоих деньгах забочется?

– Понимаешь, я как-то сказал, что как только заберу деньги у Маслова, то смогу расширить свою торговлю. Ну, еще один магазин открыть. А Шип давно мечтает директором стать в новом магазине. Думает, ему так воровать удобнее будет! Ну, вот он и был заинтересован. Чем быстрее Маслов деньги мне вернет, тем быстрее он повышение получит! Вот Шип и расстарался. Только похоже, что перестарался, – мрачно добавил Пашка.

Этого Шипа, а точнее, Витю Шипова, я видела пару раз. Очень неприятный, надо сказать, тип. Он был высокий, но назвать его можно было не иначе, как долговязым. Весь он был какой-то вертлявый и скользкий. И фальшивый. Я бы такого не взяла себе в помощники, а тем более, в заместители. И уж тем более не поставила бы его директором одного из своих магазинов.

Пашка всегда смущался, когда я говорила ему, что Шип не тот человек, с которым можно иметь дело, и начинал мямлить, что, мол, Шип так старается и что он столько сделал для него, Пашки, что ему неудобно выгонять человека просто так. И вообще, Шип такой человек прилипчивый, что отвязаться от него практически невозможно.

Я же считала все это глупостями и ругала Пашку за слабохарактерность. А теперь Паша и сам мог убедиться, какой замечательный человек этот Шип.

– Дальше! – сказала я, не став тыкать Пашку носом в его неправоту. Ему и так сейчас несладко. Пашка оценил мое великодушие и крепко сжал мою руку.

– Ну а дальше мы с ним распрощались, я поехал к тебе, а Шип сказал, что вечером он встречается с Масловым и напомним ему о долге. Он так и сказал, напомним, – подчеркнул Пашка.

– Я еще предупредил его, чтоб он не слишком напоминал. Да и вообще, мордобоем мало чего можно добиться, это уж мое мнение.

А Шип собрал своих раздолбаев и сделал по-своему. Я наутро встаю, читаю газету и глазам своим не верю. Во-первых, обалдел оттого, что они Маслова замочили, а во-вторых,

что в убийстве меня обвиняют. Вот сволочи! Да меня вообще с ними не было! – загорячился Пашка.

– Успокойся, – сказала я, хотя сама десять минут назад никак не могла успокоиться. Но теперь Пашка был рядом, а все остальное мне было не страшно.

Сейчас надо выпутываться из этой истории, и мы вместе обязательно придумаем, как.

– Я знаю, что тебя с ними не было. Мне можешь это не доказывать. А дальше ты решил скрыться?

– Ну да, конечно! Я подумал, если меня сейчас заберут, как же я смогу выпутаться, находясь там? Я же ничего сделать не смогу! Ну, я пересидел до вечера у одного друга. Он уехал, а мне ключи оставил, а как стемнело, решил к тебе прийти.

– Паша, а откуда журналистам стало это все известно? Ведь Маслова нашли под утро!

– Ну, как-то просочилось. Такие сведения быстро становятся известны прессе.

– Паша, а что, если мне пойти и заявить, что в тот вечер ты был со мной? Это же алиби!

– Алиби, – усмехнулся Пашка. – Их трое против меня свидетельствуют, а ты одна за меня. Да тебе и не поверит никто, потому что ты лицо заинтересованное, если ты моя... моя...

– Любовница, – подсказала я.

– Ну, да, для них ты моя любовница. Им же не докажешь, что ты для меня намного больше значишь.

Признаться, после этих слов мне захотелось забыть обо всем, что случилось с Пашкой, послать к черту ментов и остаться с ним здесь навсегда. Но делать этого было нельзя, это я уже прекрасно понимала.

– Паша, если так, значит, они могут искать тебя и у меня. Я даже удивляюсь, почему они до сих пор сюда не пришли?

– Ну, наверное, Шип еще не додумался рассказать им о тебе.

– А он разве знает, где я живу?

– Он-то не знает, да думаешь, ментам трудно узнать?

Да, конечно. Совсем не трудно. Шип знает, где я работаю. Этого вполне достаточно. И вспомнить обо мне он может в любую минуту. Нужно срочно что-то предпринимать.

– Паша, а почему бы тебе не пожить у этого друга, который уехал?

– Потому что он завтра приезжает. Зачем ему мои неприятности?

– Да, конечно, – сказала я и подумала, до чего все-таки мужики интересные создания. Побеспокоить друга они не могут, а повесить свои проблемы на любимую женщину – запросто.

Но я тут же отогнала эти предательские мысли, в душе обозвав себя эгоисткой. А к кому еще ему идти, как не ко мне? И потом, если он ко мне обратился, значит, доверяет мне больше, чем всем остальным своим знакомым, а это нужно ценить.

В верности своих друзей он уже убедился. В моей верности Пашка, видимо, не сомневался. И я постараюсь сделать все возможное, чтобы не усомнился никогда.

– Здесь тебе оставаться нельзя, это ясно. Подумай, может быть, есть у тебя место, о котором никто не знает? Ну, какой-нибудь друг надежный?

В ответ Пашка только вздохнул, и я поняла, что в надежных друзей он больше не верит. Как бы это не переросло в недоверие вообще ко всем людям. Ничего, вот все закончится, я свожу его к Ольге, она обязательно...

Тут я вынуждена была прервать свои размышления насчет помощи Ольги как психолога, так как мне в голову пришла одна идея. Она была очень интересной и являлась прекрасным выходом из положения. Я на минутку задумалась, потом тряхнула головой и решительно сказала:

– Пойдем!

– Куда? – удивился Пашка.

– Я знаю, где ты будешь жить!

– Где? – заинтересовался он.

– У Ольги! – заявила я.

– У кого?

– У моей сестры Ольги. Помнишь, я тебе о ней рассказывала?

– Да, помню, но ведь это как-то... Я хочу сказать, что это не совсем удобно. И она меня совсем не знает. И вообще, может она не захочет, чтоб я у нее жил? Зачем ей мне помогать?

– Захочет, – уверенно ответила я.

Уж кто-кто, а моя сестренка всегда была очень сердобольной.

Ее хлебом не корми, дай только помочь, пожалеть, обогреть кого-нибудь.

При последних словах я вдруг ощутила какое-то неприятное чувство внутри. Оно было совсем крохотным, почти незаметным, но я его отчетливо ощущала.

А что, если Ольга и Пашка понравятся друг другу? Она увидит человека, попавшего в беду (а для нее такой человек – первая кандидатура на роль возлюбленного), Пашка ответит ей взаимностью (а почему не ответить? Мы с Ольгой похожи как две капли воды), ведь он с ней будет проводить больше времени, чем со мной. И пока я буду вытаскивать Пашку из этой истории, они...

Почувствовав, как далеко я зашла в своем воображении, я очнулась и строго-настрого запретила себе даже думать об этом. И что за подлые мысли стали роиться в моей голове? Наверное, это от стресса. К этому времени я почувствовала, что Пашка уже давно обнимает меня слишком уж горячо. Я должным образом отреагировала на это, и нам пришлось задержаться на сорок минут.

Когда я только хотела открыть рот и напомнить, что нужно ехать к Ольге, Пашка закрыл мне его долгим поцелуем. Конечно, нужно было спешить, но я уговорила себя, что еще на немного можно задержаться, если очень уж хочется, и мы задержались еще на полчаса.

После этого все мысли о возможной Пашкиной измене показались мне абсолютной чепухой.

Я встала, привела себя в порядок и, пока Пашка не успел ко мне приблизиться, категоричным тоном заявила, что терять больше нельзя ни минуты, так как Ольга ляжет спать и разбудить ее будет невозможно.

На самом деле Ольга спала очень чутко, да и у меня с собой были ключи, но я знала, что если сейчас не остановиться, то мы вообще не выйдем отсюда. А если выйдем, то под конвоем.

Пашка вздохнул, но подчинился. Только нужно сперва Ольге позвонить и предупредить, что мы сейчас приедем. Странно, у нее было занято. С кем это она разговаривает так поздно? Я подождала еще несколько минут и снова позвонила. Опять занято! Черт! Да что же это такое? Ну, ладно, раз занято, значит, дома! Можно ехать.

Я заперла квартиру, спустилась вниз, подошла к машине и огляделась. Вроде все тихо. Никого нет. Я махнула рукой Павлу, стоявшему у окна в подъезде, он тоже спустился и шмыгнул в машину.

– Ну, с Богом! – вздохнула я и нажала на газ. Машина у меня очень послушная, ездить в ней одно удовольствие. Особенно когда спешишь. «Ниссан», конечно, уже не новый, но возможностям его может позавидовать новейший ВАЗ. Добираться до Ольгиного дома нужно было около получаса, но я включила максимальную скорость, разумеется, в пределах разумного, и прибыть на место мы должны были минут через двадцать.

Пашку я на всякий случай усадила на заднее сиденье. Он молчал почти всю дорогу, видимо, утомленный любовью. Только перед самым Ольгиным домом спросил:

– Твоя сестра одна живет?

– А тебе-то что? – несколько грубо спросила я.

– Да просто интересуюсь, не стесню я ее?

– Не волнуйся, не стеснишь.

Вообще-то Ольга жила с детьми, но в настоящее время они гостили у бабушки, вернее, у прабабушки, Евгении Михайловны. Евгения Михайловна была нашей с Ольгой бабушкой по матери. И любили мы ее больше всех родственников, вместе взятых. Те же чувства испытывали к прабабушке и Артур с Лизой.

Бывший Ольгин муж, Кирилл Козаков, развелся с ней несколько лет назад. Отношения они поддерживали исключительно товарно-денежные.

То есть, раз в месяц Кирилл давал Ольге денег на покупку необходимых товаров. Иногда эти случаи учащались. Вообще, Кирилл был очень хорошим человеком, я до сих пор жалела, что они развелись. Думаю, что и Ольга тоже, хотя она вряд ли призналась бы в этом.

Наконец, мы подъехали к Ольгиному дому. Выйдя из машины, я опять огляделась, хотя уж здесь-то вряд ли могла быть какая-то засада. Поднявшись на Ольгин этаж, я позвонила в дверь.

Ольга была, как всегда, сама собой: в глазок не посмотрела, «кто там» не спросила, хотя время было уже позднее для гостей, и широко распахнула дверь, уставившись на нас своими близорукими глазами. Она уже приготовилась ко сну и теперь стояла перед нами в короткой ночной рубашке, с распущенными волосами и без косметики на лице.

– Поля? – шурясь, удивленно уточнила Ольга.

– Поля, – подтвердила я. – А это Павел, познакомься. Я тебе о нем говорила.

– Ах, да, конечно, очень приятно, проходите, – засуетилась Ольга, пропуская нас в квартиру.

Я сразу заметила, что Ольга сегодня подлечивалась коньячком. А может, вермутом. А может, и тем, и другим. Надо бы поговорить с ней как следует, но не при Павле же это делать. Ну, ничего, останемся наедине, тогда я ей все и выскажу! И вообще, надо что-то с ней делать. Совсем как ребенок, право слово!

– Что у тебя с телефоном? – спросила я.

– А что такое? – удивилась Ольга.

– С кем ты разговариваешь так долго?

– Да я ни с кем не разгова...

Ольга подошла к аппарату, стоявшему на столике рядом с кроватью, чтобы его проверить, попутно пытаясь спрятать опустошенную бутылку коньяка, которую я все равно заметила.

– Ой! – всплеснула она руками. – Это трубка неправильно лежала. И как я могла ее так положить, Поля?

Я хотела ей рявкнуть, что пить меньше надо, но сдержалась. Сейчас не время устраивать скандалы.

– Оля, тут такое дело, – начала я с места в карьер, так как времени было мало. – Понимаешь, Паше необходимо на время спрятаться. Можно он поживет у тебя?

– Да, конечно, – растерянно проговорила Ольга. – А что случилось?

Пришлось рассказать ей все. Через десять минут Ольга была уже в курсе наших проблем. Она, как всегда, приняла все близко к сердцу и слушала, затаив дыхание. Она разволновалась, но не от того, что ей пришлось влезть в это дело, а от желания помочь.

– Конечно, Павел, вы можете жить у меня столько, сколько нужно, но, Поля, ты же знаешь нашу маму. Как бы ей все это объяснить?

– Не вздумай рассказывать правду, – сразу же предупредила я.

Тут надо заметить, что наша мама, Ираида Сергеевна, была женщиной довольно своеобразной. Больше всего на свете она обожала скандалы. И еще очень любила ругать своих дочерей и ставить себя им в пример.

Малейший проступок с нашей стороны она комментировала не иначе, как: «Вот, я так и знала!» При этом она просто светилась от радости. Хотя, строго говоря, все, что было в нас плохого, было результатом маминого воспитания, а все хорошее привила нам бабушка,

Евгения Михайловна, которая в основном и занималась нашим воспитанием после того, как ушел отец.

Нет, мать я, конечно, любила. Но если честно, то она никогда не была для меня по-настоящему близким человеком. Таким человеком была для меня бабушка. И еще Ольга. Ну, и Пашка теперь, конечно.

Одно я знала точно – маму ни в коем случае нельзя посвящать в наши дела. Нет, я, конечно, не думала, что она побежит заявлять в милицию о Пашкином местонахождении, но крови попортит много и мне, и Пашке, и Ольге.

Поэтому я еще в машине разработала план, по которому Пашка будет представлен мамочке, если она вдруг нагрянет, Ольгиным клиентом, с которым она проводит психологические сеансы.

Мама часто ругала Ольгу за непригодность к жизни и неумение пользоваться своими знаниями в целях повышения материального уровня. Вот пусть и порадует за дочку. А живет Паша у нее, потому что сеанс должен быть непрерывным, и специалист, то есть Ольга, всегда должен быть рядом. Мамаша все равно в психологии ничего не понимает, равно как и я, поэтому поверит.

Ольга мой план приняла, а Пашку, ввиду того, что он нуждался в нашей помощи, вообще никто не спрашивал. Нам лучше знать, как вести себя в сложившейся ситуации.

– Поля, а как ты собираешься все это расследовать? – спросила Ольга.

– Пока не скажу, – ответила я. На самом деле я еще и сама не знала, как буду действовать. Хорошо бы переговорить с Шипом и компанией, но где я их достану?

– Я знаю точно только одно, – твердо заявила я. – Павла можно спасти, только найдя настоящего убийцу!

– Но ведь, как я поняла, он уже как бы найден? Ну, это же тот самый, как его... Кличка такая, цветок напоминает... – вспоминала Ольга.

– Шип? – спросила я.

– Ну, да, Шип, – обрадовалась Ольга.

– А при чем здесь цветок?

– Ну как же! – подивилась Ольга моей непонятливости. – Ведь шипы бывают у розы!

Тут настал черед дивиться мне. Надо же, какие разные ассоциации у разных людей может вызывать одно и то же слово! У меня, например, прозвище «Шип» ассоциировалось с какой-то занозой. А у романтической Ольги, выходит, с розой! Ничего себе!

Я не стала высказывать свое мнение на этот счет, распрощалась с Ольгой, пообещав, что буду приезжать каждый день, поцеловала тихо сидящего в кресле Пашку и пошла к двери. Когда я открывала ее, сердце мое защемило, но я приказала себе собраться и думать только о спасении любимого.

Весенний воздух уже не радовал меня так, как вечером, когда я ждала свидания с Пашкой. И весь мир вдруг показался мне серым, грубым и злым. Я знала, что такое настроение продлится недолго, но все равно на душе было очень неприятно.

Я подъехала к своему дому только через сорок минут после выхода от Ольги, так как вела машину медленно. Дома я разделась, позвонила Ольге и спросила, как дела. Услышав, что все нормально, я успокоилась, заглушив начавшую пробуждаться тоску, умылась и легла спать.

Но сон не шел. Мне представлялся Пашка, то закованный в кандалы, то вкалывающий на каторге, то стоящий перед виселицей. В общем, всякая чушь лезла в голову. Я даже встала и выпила таблетку димедрола, хотя со мной такое случается крайне редко.

После этого я опять легла в постель, но только почувствовала, как руки и ноги стали наливать тяжестью, а мозг вот-вот готов был отключиться, раздался звонок в дверь. Он прозвучал, как выстрел для моего разыгравшегося воображения. Неохотно выбравшись из постели, я подошла к двери и заинтересовалась, кто это пытается меня потревожить в столь поздний час?

– Откройте, милиция! – раздался за дверью скрипучий голос.

Ага, Шип наконец-то вспомнил обо мне. Нашел время!

– А в чем, собственно, дело? – спросила я так, как наверное спросила бы Ольга. – Что вам нужно здесь среди ночи? Я милицию не вызывала! – теперь это уже был и мой стиль, и моя лексика! Может быть, не стоило реагировать столь бурно, но меня возмутило, что милиция решила навестить меня как раз в тот момент, когда я почти заснула.

– Вы Полина Андреевна Снегирева? – спросили за дверью. У меня мелькнула мысль сказать, что нет, я Маргарита Павловна Воробьева, но решила не играть с огнем.

– Да, это я. А что все-таки произошло?

– Полина Андреевна, вы, пожалуйста, все же откройте. У нас к вам есть несколько вопросов.

– А санкция у вас есть?

– Есть, – проскрипел человек за дверью.

Поняв, что ничего хорошего своим упрямством не добьешься, я открыла дверь. В квартиру сразу же вломились три человека. Старший из них, с капитанскими погонами, сразу же прошел в комнату, заглянул в шкаф и под диван, а остальные проверили ванную, туалет и кухню.

– Что вы ищете, позвольте узнать? Может быть, я смогу вам помочь? – продемонстрировала я горячее желание сотрудничать с милицией.

– Мы разыскиваем Павла Глазунова, находящегося в бегах. Вы что-нибудь знаете о том, где он находится? – спросил капитан. Это он, оказывается, был обладателем скрипучего голоса.

– Нет, – сказала я как можно убедительнее. – Одно могу сказать точно: у меня его нет! Я сама его ищу весь день. Уж не знаю, что и думать! – Я даже всхлипнула, произнося эти слова. Пресловутую газету с рассказом о Пашкином преступлении я предусмотрительно сожгла в туалете задолго до приезда милиции.

– Скажите, Полина Андреевна, а когда вы видели Глазунова в последний раз?

– Да вчера вечером, – утерла я слезы. – Вернее, теперь уже позавчера.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно уверена! – совершенно честно ответила я.

– А что вы скажете на то, что у нас есть свидетели, утверждающие, что Глазунов в тот вечер был вместе с ними?

– Что я могу сказать? Значит, ваши свидетели липовые!

Я опять разговаривала грубовато. Но я раньше никогда не имела дела с милицией – Бог миловал! – и не знала, как следует вести себя в такой ситуации.

– Полина Андреевна, вы знаете, что бывает за дачу ложных показаний?

– Я-то знаю, а вы вот скажите об этом вашим свидетелям! Они, видимо, этого не знают, иначе не говорили бы, что Павел был с ними вчера!

Именно так и надо, уверенно и возмущенно!

– Полина Андреевна, а какие отношения связывают вас с Глазуновым?

Это уже был вопрос из другой оперы. Так я и ответила капитану, но в смягченных выражениях:

– Простите, а какое это имеет значение? Если это так важно, можете считать, что мы с ним друзья.

– Близкие? – прищурился капитан.

– Очень, – призналась я и продолжила:

– А скажите, пожалуйста, что все-таки с Павлом? Он жив? – даже голос мой задрожал, когда я это спросила. Может быть, во мне погибла талантливая актриса? Хотя я недавно так переволновалась, что почти и не играла.

– Мы надеемся, что жив. А ответьте, пожалуйста, Глазунов не звонил вам?

– Нет, – честно ответила я.

– Ни домой, ни на работу?

– Нет.

Пашка же действительно не звонил мне, поэтому отвечать мне было легко, ведь я была абсолютно искренна.

Похоже, капитан мне поверил. Он сразу смягчился и сказал:

– Будьте добры, Полина Андреевна, как только вам что-нибудь станет известно о Глазунове, ну, может он объявится или позвонит, сразу же сообщите нам. Это в его же интересах.

– Хорошо, – мотнула я головой. – А если нет, не объявится? – тут я почти зарыдала.

Капитану стало даже жалко меня, он похлопал меня по плечу и сказал:

– Ну-ну, все обойдется.

Хочет Пашку в тюрьму посадить, а мне говорит, что все обойдется!

Хотя что его винить, это ведь его работа. И получает он за нее совсем не большие деньги. И за эти деньги он должен среди ночи ехать к какой-то Полине Снегиревой и разыскивать Глазунова Павла. Но у него свой интерес, а у меня свой. Поэтому я посмотрела прямо в глаза капитана и спросила проникновенно:

– Товарищ капитан, (я понятия не имела, как теперь следует говорить: товарищ капитан или, может быть, Господин, и спросила по старинке) скажите, пожалуйста, что все-таки случилось с Павлом?

– Почитайте сегодняшние газеты, – вздохнул капитан, – все узнаете. Полина Андреевна, может быть, нам придется вас вызвать к себе. Будьте готовы.

– Хорошо, я всегда готова прийти к вам на помощь, – ответила я.

Они попрощались и ушли. Я, наконец, легла и уснула.

ГЛАВА ВТОРАЯ (ОЛЬГА)

Эти два дня я решила посвятить отдыху. Детей забрала моя бабушка, Евгения Михайловна, работа была закончена, и я могла валяться в постели сколько хотела. Вставать не хотелось, готовить завтрак – тем более. Не хотелось даже включать телевизор.

Провалявшись до десяти часов, я вспомнила, что сегодня должны показать очередную серию фильма «Дерзкие и красивые», очень захватывающего сериала, и все-таки включила телевизор.

Действующие лица увлеченно отмечали какое-то семейное торжество, поглощая разные деликатесы и запивая их очень вкусным (в этом я была уверена) вином. У меня потекли слюнки, и я решила все-таки встать. Поднялась и пошла в кухню.

Открыв холодильник, я с удивлением обнаружила, что в нем нет ничего съестного. Как же это я могла дойти до такого? Я нашла половинку лимона, которая сразу же ассоциируется у меня с бутылкой хорошего коньяка. Ну, не знаю, как там насчет хорошего, но «Белый аист» – не худший вариант, а бутылка этого коньяка у меня имелась.

Конечно, я не пью по утрам, но когда в холодильнике из продуктов один лимон, то что прикажете делать? С чем его еще можно съесть, как не с коньяком? Полина приехать не обещалась, Кирилл тоже, мамочке вообще не до меня. Значит, никто не застанет меня на месте преступления. Я налила себе рюмочку коньяка, нарезала лимончик тонкими дольками, щедро посыпала сахаром и юркнула обратно в постель.

После выпитой рюмочки мне стало настолько хорошо, что захотелось еще выпить. Пришлось опять вылезать из постели и идти на кухню за бутылкой. Чтобы не мучиться каждый раз, я просто взяла ее с собой и поставила на столик у кровати. До часу дня время я провела просто прекрасно.

Когда бутылка опустела примерно на половину, я решила, что вполне могу обойтись один день без обеда. Иногда полезно поголодать. Фигура от этого только улучшится.

Хорошо, что меня не видит Полина! Вот сейчас устроила бы мне выволочку за «утреннюю пьянку», как она выражается. Ну разве это пьянка? У меня же выходной, в конце концов! Мне же нужно снимать чем-то нервное напряжение!

Вот Полина курит, ей это помогает. А что делать мне, если я не переношу табачного дыма? Полине просто повезло: у нее аллергия на спиртное. А если б она не покрывалась от вина красными пятнами, то еще неизвестно, какая была бы из нее трезвенница!

Оттого, что Полина в чем-то тоже была грешна, мне стало радостно. Нет-нет, я не злорадовала, просто приятно было осознавать, что твоя сестра тоже живой человек со своими слабостями, а вовсе не «железная леди», какой ей хочется казаться. Полина ведь на самом деле очень мягкая и добрая, несмотря на внешнюю уверенность в себе.

Я лежала и думала о Полине. Мне очень хотелось ее увидеть. Но днем Полина пропадает на работе в своем спорткомплексе, а вечером ее вообще невозможно застать. Некоторое время назад сестра познакомилась с каким-то молодым человеком. Я его ни разу не видела, Полина еще не успела нас познакомить. С тех пор, как она стала встречаться с этим парнем, она совсем перестала видаться со мной. Я не видела ее уже недели две.

Надо же, как преобразило Полину чувство к этому человеку! Когда я звонила ей, она почти все время смеялась, говорила какую-то чепуху и вела себя, как пятнадцатилетняя девочка в период первой влюбленности. Я, конечно, не могла видеть ее лица по телефону, но догадывалась, что оно сияет, как медный таз.

Что ж, я за сестру очень рада. Может, наконец, найдет свое счастье. Полина уже была замужем, но развелась с Жорой из-за его любвеобильности. Жора Овсянников был готов переспать со всеми знакомыми и незнакомыми женщинами. Наверное, большинство женщин не стало бы разводиться по столь прозаическому поводу, но только не Полина. И я ее хорошо понимаю. Теперь Жора и рад бы был восстановить отношения, да не тут-то было: поезд ушел.

Интересно, какой он из себя, этот ее Паша? Наверное, высокий – Полина любит высоких. Нет, ведь как она надо мной смеялась, когда я познакомилась с Кириллом, бывшим своим мужем, а теперь сама влюбилась!

Тут я вспомнила, какой кошмар мне пришлось пережить при разводе с Кириллом, и настроение мое сразу ухудшилось. А что, если и Полину ожидает разочарование? Кто его знает, как он настроен, этот Паша? Как бы не пришлось ей потом пожалеть!

От этих предчувствий я просто вся разволновалась и решила поправить свое эмоциональное состояние остатками коньяка. Ну, вот, теперь намного лучше стало. Чего это я так расстроилась? Нельзя быть такой пессимисткой. Все будет хорошо.

Убаюканная этой мыслью, я не заметила, как уснула. Проснулась я оттого, что замерзла, и долго не могла понять, почему же в квартире так холодно. Батюшки! Ну, конечно, я забыла закрыть окно!

Несмотря на то, что на дворе уже май, по вечерам становится довольно прохладно, и открытое окошко может сыграть злую шутку. Я прямо почувствовала, как запершило у меня в горле. Как бы не подхватить ангину!

Нужно срочно принять какое-нибудь лекарство. А какое самое лучшее лекарство от ангины? Ну, конечно же, коньяк! Я надеюсь, что он все-таки остался в бутылке? Да, граммов сто пятьдесят еще есть. Их-то мне как раз и хватит, чтобы подлечиться.

Я прямо почувствовала, как разливается по телу благодатная жидкость, исцеляя начавшуюся хворь. Вот пусть теперь Полина с Кириллом попробуют сказать, что алкоголь вреден для здоровья! Да разве можно сравнить с коньяком всякие их стрептоциды или эритромицины?

Чем бы теперь заняться, чтобы достойно завершить такой замечательный день? Я посмотрела на часы и убедилась, что до начала фильма «Жестокий ангел» осталось пять минут. Хорошо, что не проспала. Сегодня должна быть очень увлекательная серия.

Интересно, состоится ли на этот раз свадьба или опять сорвется? Вообще-то надо до начала фильма привести себя в порядок – хотя бы снять ночную рубашку и одеть что-нибудь другое. Но было уже почти пять часов вечера, и я подумала, чего ее снимать, если скоро уже опять надевать, и решила ничего не менять в своем облике. Все равно ко мне никто не придет. Могу я хоть иногда побыть сама собой?

Я легла на диван, надела очки и приготовилась смотреть фильм. Куда-то запропастился пульт. Я просмотрела все места, куда могла его засунуть, но так и не обнаружила. Приходилось вставать с дивана, чтобы прибавить звук или переключить каналы.

Когда закончился «Ангел», начались «Шестнадцатилетние», а за ними и «Поцелуй страсти». Это мой любимый сериал.

Вообще-то, я прекрасно понимаю, что все эти сериалы – чушь собачья. И я вовсе не переживаю из-за перипетий на экране, как считает Поля. Я люблю хорошие книги и фильмы.

Мне нравятся масштабные произведения, такие, как «Война и мир» или «Вечный зов». Но эти фильмы нужно смотреть, не отрываясь, вдумываясь и сопереживая героям. К тому же, смотря их или читая подобные книги, я всегда плачу. А в наше время и так хватает забот и проблем. Да и нервы есть кому трепать.

Поэтому я и смотрю сериалы. Там, по крайней мере, знаешь, что все закончится хорошо. Можно спокойно смотреть, отключаясь от всего, и не переживать. Посмотрел и забыл. Очень удобно. И не так уж часто я их смотрю. Поля просто преувеличивает.

А сама Поля с ее работой, наверное, уже и забыла, когда читала в последний раз. Я неоднократно говорила ей, что нужно уметь все совмещать, но она только отмахивается. Конечно, Поля очень устает в своем спорткомплексе, ведь работа у нее физическая.

Да и вообще с людьми трудно работать. Иной раз попадется такая капризная клиентка, которая весит сто пятьдесят килограммов и хочет их сбросить за один день. А потом обижается на Полину, что у нее это не получается. Как с такими разговаривать?

Как только действие «Поцелуя страсти» стало приближаться к самому интересному, раздался телефонный звонок. Черт, как не вовремя!

Звонила Полина. Оказывается, ей понадобилась моя профессиональная помощь. Я быстро сказала ей все, что она хотела узнать, и продолжила смотреть фильм.

Ближе у ночи раздался звонок в дверь. На пороге стояла Полина под руку с высоким молодым человеком. Наверняка, это и есть ее Паша. Должна признать, что у сестры хороший вкус.

Только бы не заметили запаха спиртного. Очень неудобно получится. Еще подумают, что я сижу тут и пью одна с утра. Я еще и в ночной рубашке, которую так и не снимала. Надо хоть халат накинуть.

Они прошли в квартиру, Полина сказала, что не смогла мне дозвониться. Оказывается, просто как-то случайно получилось, что трубка лежала неправильно. Зато я быстренько успела спрятать бутылку из-под коньяка, Полина даже ничего не заметила. Я порадовалась своей ловкости и спросила, что привело их ко мне в столь поздний час, на всякий случай отойдя подальше от сестры и садясь в кресло.

И тут Полина рассказала мне совершенно жуткую историю о ложном обвинении Павла в убийстве. Сердце мое застучало от негодования. Надо же, какие бывают бесчестные люди! (Это я про друзей Павла). Подставить ни в чем не повинного человека! Это же подло! В том, что Павел был не виноват, я не сомневалась: так сказала Полина, а она зря говорить не станет.

В общем, Полина просила меня приютить пока Павла у себя. Я, конечно же, с радостью согласилась. Поля распрощалась с нами и уехала, не забыв проинструктировать меня, как себя вести на случай появления мамы.

Мама вообще-то редко у меня появляется, но уж если приедет – так приедет. Я, честно говоря, после ее визитов просто болею. Хорошо хоть, что они не бывают слишком долговыми.

Мы остались вдвоем. Павел тихо сидел в кресле и молчал. Я оглядела свою комнату и только сейчас заметила, какой в ней царит беспорядок.

Из-под подушки торчали какие-то листы бумаги. Я достала их и обнаружила, что это текст, который я недавно перепечатала. И когда я успела его туда засунуть?! Хорошо, что листы не очень помялись, и мне не придется их перепечатывать заново.

Я быстренько прикрыла свое ложе покрывалом и заметила, что Павел сидит босой. Надо срочно предложить ему тапочки, но сперва их нужно найти. Тапочки нашлись на столе. Они лежали рядом с компьютером. Ах, да, это же я сама их туда положила, когда подметала под столом. В левом тапочке почему-то торчал пульт. Я быстро положила его рядом с телевизором и протянула тапочки Павлу.

– Спасибо, – благодарно произнес он.

Надо бы найти что-нибудь ему из одежды, чтоб переоделся в домашнее. Я порылась в шкафу и извлекла на свет Божий записную книжку, которую безуспешно пыталась найти уже вторую неделю, дискету с нужными позарез файлами, маленький Лизин мячик для игры в пинг-понг и, наконец, то, что было нужно: старенькую рубашку Кирилла, которую он не стал забирать, и свои спортивные трико.

Я принесла эти вещи Павлу (за исключением, конечно, книжки, мячика и дискеты) и предложила ему их примерить. Я показала ему, где находится ванная, и Павел отправился туда.

Через несколько минут я услышала грохот. Ах, Боже ты мой! Я совсем забыла, что в ванной уже пять дней как перегорела лампочка, а купить новую все как-то не было времени. Я подбежала к двери ванной и крикнула:

– Павел, с вами все в порядке?

– Да, – послышался его голос.

Слава Богу, что хоть не свернул себе шею, у меня дома это очень легко сделать. Полина, безусловно, в чем-то права, говоря, что в моей квартире черт ногу сломит.

Через минуту он вышел из ванной, и я увидела полочку, на которой у меня стояли разные крема, шампуни, бальзамы для волос и тела, лежащей на полу. Причем один из флаконов с шампунем оказался почему-то незакрытым, и теперь по кафельному полу растекалась густая ароматная жидкость.

– Простите, ради Бога, Ольга, я нечаянно! – оправдывался Павел.

Он еще и оправдывается! Это ведь я сама во всем виновата!

– Да что вы, что вы, – забормотала я, пытаясь схватить тряпку, ногой задержать растекающуюся лужу, чтоб не затекла за пределы ванной, и зажечь спички одновременно. Хорошо, что спички валялись тут же на полу: с момента перегорания лампочки я держала их на полочке.

Наконец, я выгнала Павла в комнату, намочила тряпку, помыла пол в ванной и собрала рассыпавшиеся тюбики и флакончики.

Павел подошел и спросил, есть ли у меня молоток и гвозди. Молоток и гвозди у меня, конечно, имелись, но вот куда я их засунула?

Нашлись эти инструменты в коробке с детскими игрушками, и через пять минут полка была благополучно водворена на свое законное место. Я не знала, как и благодарить Павла.

Тут только я посмотрела на него и чуть не прыснула со смеху: рубашка Кирилла была ему несколько коротка и болталась, не доставая до пупка. Про штаны и говорить нечего: мы с Полиной хоть и достаточно высокого роста для женщины, но явно не такие, как Павел, который был выше нас сантиметров на двадцать.

Павел почувствовал мой взгляд и смутился. Потом поднял глаза, и мы оба расхохотались. Это сразу же разрушило все границы между нами. Я больше не смущалась от его присутствия, да и Павел чувствовал себя почти как дома.

– Ой, вы, наверное, хотите есть? – спросила я.

– Нет, спасибо, меня Полина накормила.

Я порадовалась заботливости Полины, так как накормить ее любимого мне было бы весьма проблематично: в холодильнике-то пусто! А в час ночи идти одной в магазин? Да я лучше умру с голоду, чем от страха! Не понимаю, как Полина может спокойно ходить по улицам одна в любой день и час. Я трясусь уже от вида собственной тени и после девяти уже никуда не хожу одна.

Я постелила Павлу на раскладушке, сама легла на своем диване, но долго не могла уснуть. Я вообще трудно засыпаю, когда в квартире спит кто-то еще. А тем более посторонний мужчина. Я вся просто изнервничалась, хотя понимала, что ничего особенного тут нет. Просто нужна помощь Полининному другу, поэтому он спит у меня дома. Вот и все! Но я продолжала ворочаться, увлеченная своими мыслями.

Вот Поля. Она всегда такая трезвая, рассудительная, а меня ругает за то, что я вечно попадаю в какие-нибудь истории. А когда я ей говорю, что в такую историю может попасть кто угодно, она мне не верит. А вот теперь сама убедилась, что и она не застрахована от непредвиденных случаев.

Вообще-то, строго говоря, в беду попала не Поля, а ее друг. Но все равно я как сестра обязана ей помочь. Ведь Полина всегда вытаскивает меня из неприятностей. Ругать ругает, но помогает всегда. А теперь настала моя очередь. И я Полине помогу. А сейчас нужно спать!

Но сон все никак не шел. Я поняла, что хватит измываться над организмом и потихоньку прокралась в кухню, где сделала из бутылки с вермутом три глотка. Всего три, честное слово! После этого я смогла спокойно уснуть.

Наутро меня разбудил какой-то умопомрачительный запах. Я даже не поняла сперва, что это наяву. Откуда в моей квартире взялся запахам вкусной еды, если ее не из чего приготовить?

Решив, что это просто ночные галлюцинации, я перевернулась на другой бок и решила еще поспать. Но запах не исчез. Наоборот, он становился все более настойчивым. Я вынуждена была вылезти из постели и пройти в кухню, чтобы определить, что же это так вкусно пахнет. Каково же было мое удивление, когда я увидела Павла в моем фартуке, пекущего блинчики.

– Доброе утро, Оленька, – улыбаясь, поприветствовал он меня.

– Доброе утро! – растерянно ответила я. – А откуда, Паша, вы взяли продукты? Ведь вам нельзя выходить из дома!

– А я не выходил! – весело сказал Павел. – Я просто заглянул к вам в буфет, нашел муку, сухое молоко и немного растительного масла в бутылке. А в холодильнике было одно яйцо. Всего этого мне вполне хватило.

– Ну, вы прямо прирожденный кулинар! – я все еще не могла прийти в себя. Приготовить блинчики из того, что он смог найти в моем доме? Мне бы и в голову не пришло, что это можно сделать. И сразу же мне стало очень стыдно.

– Спасибо вам огромное, Паша! Но я сейчас быстренько сбегая в магазин и куплю чего-нибудь!

Павел попытался меня остановить, но в этот момент зазвонил телефон. Я взяла трубку и услышала голос Полины:

– Оля! Ты уже встала?

– Да, мы оба... – начала я, но Полина прервала меня:

– Приезжай ко мне на работу, нужно поговорить!

– А по телефону нельзя, Поля? ты знаешь, я еще не завтракала!

– По телефону нельзя. Быстрее завтракай и приезжай. – отрезала Полина.

Я со вздохом положила трубку и пошла в кухню. Павел уже допек блинчики и ждал меня, поставив блюдо с ними на середину стола.

– Звонила Поля, – сообщила я.

– Да? – обрадовался он. – И что она сказала?

– Просит приехать к ней на работу. Поговорить. Сейчас буду собираться.

Я быстренько проглотила горячий блинчик, который имел бесподобный вкус.

– Это меня Полина научила, – с гордостью сказал Павел, заметив мои округлившиеся глаза. – Я и сам люблю готовить, а она помогает.

– Это просто замечательно! – с легкой завистью сказала я, вспомнив, что ни я, ни Кирилл готовить не любили.

– Вы простите меня, ради Бога, Оля, что я вам столько хлопот доставляю, – виновато произнес Павел. – Честное слово, когда это все закончится, я вас обязательно отблагодарю. Вот увидите!

– Что вы! – возразила я. – Разве можно помогать человеку из-за выгоды? Людям нужно помогать бескорыстно!

С этими словами я запихнула в рот еще один блинчик и вышла из квартиры, заперев ее на ключ. Перед этим я велела Павлу не подходить к телефону и не реагировать на звонки в дверь, если такие будут, хотя я от души надеялась, что сегодня никому не захочется меня навестить.

Я вышла из дома и направилась на троллейбусную остановку. Время было как раз такое, когда все спешили на работу, и первый троллейбус оказался переполненным. Я решила его

пропустить. Но и второй троллейбус ничем не отличался от первого. Его я тоже проигнорировала.

Через двадцать минут я решила, что все, хватит, сажусь в следующий, каким бы он ни был. Но как назло после принятия мной такого решения троллейбусы вообще перестали ходить. В итоге я простояла на остановке сорок восемь минут.

Черт, Полина обязательно будет ругать меня за несобранность и непунктуальность. Наконец подошел долгожданный троллейбус, который после того, как в него набились все стоявшие на остановке пассажиры, обогнал по переполненности те два, что я пропустила, и я покатила к Полине.

Она уже сидела в вестибюле и ждала меня. Как ни странно, ругаться она не стала. Взгляд ее был усталым и озабоченным. Мне сразу стало жалко сестру. Я поняла, как она переживает из-за случившегося, и взяла ее за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.